

УДК 329

Деятельность неправительственных организаций как акторов сетевых стратегий политических процессов: на примере Центрально-Азиатских государств

Тофан Алина Васильевна

Аспирант,

Кыргызско-Российский Славянский университет,
720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44;
e-mail: alina_tofan@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена отдельным политическим и правовым аспектам функционирования НПО в качестве субъектов сетевых технологий на территории Центрально-азиатских государств. В данной статье автор рассматривает неправительственные организации как активный ресурс для реализации сетевых стратегий. Причиной развития гражданского сектора в Центрально-азиатских государствах является зависимость этих государств от финансовых вливаний и дотаций со стороны США и государств Евросоюза, которые, реализуя сетевые стратегии, в условиях наличия самостоятельности гражданского общества и усиления процессов демократизации, осуществляют инвестирование в данные процессы с целью придания им вектора, определяющего нестабильность политического режима. Проанализировав нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность НПО в странах ЦА, можно сделать заключение, что устойчивость политических систем в государствах Центральной Азии обратно пропорциональна лояльности законодательства в отношении НПО. Таким образом, государственный контроль над деятельностью неправительственных организаций во многом является залогом стабильного функционирования политической системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Тофан А.В. Деятельность неправительственных организаций как акторов сетевых стратегий политических процессов: на примере Центрально-Азиатских государств // Теория и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 6А. С. 47-57.

Ключевые слова

Сетевые технологии, неправительственные организации, Центральная Азия, политические процессы, политическая стабильность.

Введение

С развитием информационных технологий кардинально поменялись способы и методы ведения войны. Информация стала основным ресурсом, с помощью которого совершаются государственные перевороты, захватываются территории, устанавливается внешний контроль над государствами и государственными институтами. Практика показывает, что для осуществления государственного переворота достаточно создать сеть подконтрольных структур, наладить ее работу и профинансировать ее деятельность. При этом организаторы могут находиться на территории другого государства. Активным субъектом необходимых акций могут выступить неправительственные организации и фонды, действующие на территории государства и являющиеся структурными единицами сети. Примером этому служат «цветные революции», произошедшие в постсоветских государствах, когда неправительственные организации организовали акции протеста, переросшие в массовые беспорядки, а затем государственные перевороты.

Сетевые технологии как новый тип информационных войн

«Цветные революции» на постсоветском пространстве и, в частности, в Центральной Азии – инструмент сетевой технологии, составляющая явления, которое в американской политической науке именуется сетевыми войнами [Коровин, 2014, 211]. Сетевые войны – это технология, которая позволяет захватить пространство, отторгнуть часть территории, сменить государственную власть, не используя при этом внешние вооруженные силы. Инструментом достижения цели становятся социальные сети, общество, в котором формируется необходимое настроение, общественное мнение, направленное в нужное организаторам русло. При этом контролю и управлению подлежат не столько отдельные индивиды, сколько мотивы их поведения, намерения, действия. [Коровин, 2013, www].

Сеть по отношению к политическим процессам представляет собой информационное пространство, в котором реализуются необходимые стратегии посредством производства информации, контроля над этой информацией, ее распределения, обеспечения к ней доступа и обратной связи. Элементами сети выступают формальные и неформальные общественные институты, создающие и транслирующие информационные потоки, для реализации целей контролирующего центра. К таким элементам можно отнести группы по интересам, транснациональные корпорации, неправительственные организации, религиозные организации, фонды, движения, экспертные и научные сообщества, средства массовой информации и т.д.

Смысл сетевых технологий заключается в формировании социальных процессов, общественного мнения таким образом, что общество само становится активным участником этих процессов. Оно не только не сопротивляется происходящим изменениям, но и зачастую является соучастником и пособником происходящих трансформаций.

Наибольшее развитие получили сети, состоящие из финансируемых государственными структурами США неправительственных организаций и фондов, реализующие не только в Центральной Азии, но и во многих других государствах программы, направленные на установление контроля над интересующей территорией. Это объясняется не только тем, что сетевые технологии разрабатывались американскими экспертами из RAND Corporation, но и тем, что администрация Соединенных Штатов осознает актуальность и эффективность использования именно таких ненасильственных механизмов захвата территории и необходимость выделения средств на финансирование структурных единиц сети.

Реализация сетевых стратегий включает в себя контроль над совокупностью когнитивных и социо-культурных механизмов. Когнитивные механизмы представляют собой сознание индивида, рассматриваемого как возможного участника конфликта, его образ мышления, мотивации его поведения, принимаемых им решений, бессознательные установки и т.д. [Гавриш, 2015, www]. Социокультурный уровень состоит из различных ценностей: исторических, религиозных, культурных, а также психологических и этнических особенностей. Сюда входят отношения между индивидами в обществе, групповые иерархии и групповые отношения. Контроль над данными сферами и манипуляции ими имеют решающее значение в информационной войне [Гавриш, 2015, www]. Успешная реализация стратегии, направленной на отрицание обществом базовых культурных ценностей и замену их на универсальные западные принципы, является огромным шагом на пути к бескровному завоеванию пространства.

Примером успешной реализации американских сетевых технологий могут служить «цветные революции», произошедшие на постсоветском пространстве. «Цветные революции» были реализованы в постсоветских государствах для установления контроля США над территорией бывшего СССР посредством смены государственной власти в пользу проамерикански настроенных политиков. Суть технологии заключалась в следующем: спровоцировать ситуацию, в которой, под предлогом претензий к действующей власти, начинается волна протестов и посредством «психоза соучастия» в нее вовлекается все большее количество людей, что, в конечном итоге, приводит к государственному перевороту и захвату власти «нужными» лидерами [Коровин, 2011, www].

Глобальная сеть неправительственных организацией, финансируемых Западом, посредством которых реализуются технологии манипуляции, дестабилизации, позволяет внешним акторам контролировать ситуацию практически в любом государстве, которое принимает идеи демократизации и идеи развитого гражданского общества. При этом, формирование институтов гражданского общества и их развитие позволяют минимизировать контроль государства за этим сегментом, что дает возможность реализовывать американские сетевые стратегии.

Итак, сетевые войны – это новый вид информационных войн, направленных на формирование у населения государства мнения о превосходстве американского образа жизни, отрицание базовых культурных ценностей и замену их на универсальные американские принципы жизни.

Важно осознавать, что развитие демократических институтов без учета национальных интересов, стремление обрести статус демократического государства в ущерб национальной безопасности в конечном итоге приводит к зависимости и потере суверенитета. Внутренние процессы в государстве становятся целиком и полностью подконтрольны американским институтам, которые реализуют исключительно свои геополитические стратегии посредством некоммерческих организаций, функционирующих на территории государства, по той или иной причине попавшего в сферу стратегических интересов государственных структур США.

Политические и правовые аспекты функционирования НПО в государствах Центральной Азии

Различные некоммерческие организации, фонды и НПО, финансируемые США и другими западными государствами, прочно закрепились в Центральной Азии. Во многом, по мнению автора, это объясняется финансовой несостоятельностью большинства Центрально-азиатских государств, зависимостью от внешнего инвестирования и кредитования международными финансовыми институтами. Значительная часть денежных инвестиций в государства ЦА происходит при условии развития институтов гражданского общества и демократии. При этом чем беднее страна, чем выше ее зависимость от грантов правительства США, тем большее количество неправительственных организаций функционирует на ее территории, тем выше уровень «демократии» и «свободы», тем лояльнее законодательство в отношении различных некоммерческих организаций и источников их финансирования. К примеру, ВВП Кыргызстана на 2015 год составил \$6,571 млн, количество зарегистрированных НПО на территории КР составляет свыше 16000 [Нурланов, 2016, www]. Для сравнения, ВВП Узбекистана – \$66,732 млн, а число НПО немного превышает 8000. При этом доходы от деятельности НПО составляют 2,2 % ВВП Кыргызстана, что сопоставимо с долей в ВВП всего сектора здравоохранения либо грузовых транспортных перевозок.

Показательно, что, согласно Индексу уровня демократии, Кыргызстан намного опережает другие Центрально-азиатские государства, находясь на 93 месте. Для сравнения, Казахстан занимает 140 место, Узбекистан и Таджикистан занимают 158, Туркменистан находится на 162 месте.

Разницу в отношении к различным неправительственным государствам, фондам и т.д. можно проследить и на законодательном уровне. Правовые основы функционирования неправительственных организаций в различных государствах Центральной Азии разнятся в зависимости не только от того, насколько официальная власть признает необходимость развития гражданского сектора и допускает его самостоятельность, но и от того, насколько осознает необходимость контроля над неоднозначным сегментом общества.

Говоря о правовых основах функционирования неправительственных организаций в ЦА, нужно отметить, что Республика Казахстан – единственное государство Центральной Азии, в котором понятие «неправительственная организация» (НПО) формально закреплено. Так, в пункте 1 статьи 7 Закона РК «О государственном социальном заказе» дается следующая дефиниция: «Неправительственная организация – некоммерческая организация (за исключением политических партий, профессиональных союзов и религиозных объединений), созданная гражданами и (или) негосударственными юридическими лицами на добровольной основе для достижения ими общих целей в соответствии с законодательством Республики Казахстан». Для сравнения, в других Центрально-азиатских государствах законодательно такого понятия не закреплено и НПО определяются как некоммерческие организации, т.е. организации, не имеющие основной целью извлечение прибыли и распределение дохода между участниками.

Далее следует отметить, что в большинстве государств Центральной Азии запрещена деятельность какого-либо объединения граждан без предварительной регистрации юридического лица в соответствующих государственных органах (в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане).

Например, за создание общественного объединения в Казахстане без надлежащей регистрации, а также за участие в нем либо его финансирование предусмотрена административная ответственность в виде штрафа, сумма которого, согласно действующему законодательству РК, доходит до двухсот месячных расчетных показателей (примерно 1187 долларов США) (КобАП РК). А законодательство Узбекистана предусматривает уголовную ответственность за незаконную организацию, возобновление деятельности или участие в незаконных общественных объединениях вплоть до лишения свободы сроком до пяти лет (УК РУ).

В 2004 году бывший Президент Узбекистана И. Каримов обязал все представительства международных некоммерческих организаций (НПО, общественных фондов и т.д.) пройти процедуру перерегистрации, в результате чего был ужесточен контроль над деятельностью международных правозащитных и демократических организаций, а функционирование представительств Института открытого общества Джорджа Сороса, правозащитной организации Freedom House и еще ряда американских НПО было запрещено. Ответом послужило сокращение Конгрессом США выделяемой помощи Узбекистану и усложнение условий ее получения [Лаумулин, 2007, 61]. После беспорядков в Андижане в мае 2005 года, которые власть признала попыткой проведения «цветной революции», деятельность иностранных НПО и вовсе была запрещена сроком на 10 лет [Ясносокирский, 2014, 30].

Кодекс об Административных правонарушениях Таджикистана содержит норму об ответственности за руководство, участие или финансирование деятельности незарегистрированных общественных объединений, что влечет за собой наказание в виде штрафа в разных размерах.

Кыргызстан является единственным Центрально-Азиатским государством, общественные объединения в котором вправе создаваться и функционировать без надлежащей регистрации в государственных органах.

В этой связи некоторые правозащитники настаивают на том, что данные положения законодательства не соответствует международным правовым стандартам, мотивируя это тем, что возможность гражданами республики реализовывать свое право на объединение не должна быть ограничена необходимостью регистрации юридического лица. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах, к которому в то или иное время присоединились все Центрально-Азиатские государства, содержит положение о праве некоммерческих организаций осуществлять свою деятельность без регистрации, к чему и апеллируют правозащитники.

При этом, почти во всех государствах Центральной Азии процедура регистрации неправительственных организаций является затратной как по времени, так и в финансовом плане. К примеру, для регистрации общественного объединения на территории Узбекистана, помимо выполнения основных требований, необходимо предоставить декларацию об источниках финансирования всей деятельности организации (Закон РУ № 763-1). Исключение составляет лишь Кыргызстан, в котором, несмотря на нестабильность политического режима, законодательство о некоммерческих организациях так и не было пересмотрено и ужесточено.

Практически во всех государствах Центральной Азии деятельность неправительственных организаций законодательно ограничена пределами той административной единицы (области), в которой оно зарегистрировано. Для того, чтобы получить право осуществлять свою деятельность в пределах всего государства, НПО необходимо осуществить ряд требований. Например, в Казахстане для получения национальной территориальной правосубъектности неправительственная организация должна зарегистрировать структурные подразделения (филиалы и представительства) на территории более половины административных единиц республики (т.е. как минимум 9 филиалов и представительств) (Закон РК № 3-1). В Туркменистане для регистрации международного общественного объединения необходимо иметь в составе 400 участников, для общенационального – 50. Местные же объединения регистрируются при наличии 5 членов.

Подобное территориальное деление юридических лиц отсутствует в законодательстве Кыргызской Республики. Кыргызстан – единственное государство в ЦА, которое отказалось от подобной территориальной правосубъектности.

Законодательство всех государств Центральной Азии допускает финансирование НПО из-за рубежа, однако существует ряд требования для использования внешних средств. Так, законодательство Республики Таджикистан обязует НПО регистрировать иностранную помощь в соответствующих государственных органах и расходовать эти средства исключительно по целевому назначению. Помимо этого, НПО в РТ обязуются предоставлять отчет в статистические органы о полученном зарубежном финансировании. Законодательство Узбекистана требует обязательного признания внешнего финансирования грантом. При этом иностранный донор должен согла-

совать свой проект с компетентными государственными органами посредством Министерства иностранных дел Республики и получить на реализацию такого проекта соответствующее разрешение. Следующим этапом является рассмотрение проекта Банковской Комиссией, которая подтверждает целесообразность внедрения проекта и выдает разрешение на перевод денежных средств на счет бенефициара. Затем грантополучатель обязан получить заключение Комитета по координации развития науки и технологий при Кабинете Министров Республики на предмет соответствия финансовых и иных средств, полученных из-за рубежа, целям и задачам гранта. Впоследствии НПО обязано отчитываться в течение 24 часов в Казначейство Министерства финансов РУз по факту расходования иностранных средств.

В законодательстве Туркменистана содержится положение о том, что проекты и программы зарубежной помощи должны пройти обязательную регистрацию в соответствующих государственных органах (Закон Туркменистана №197-II). При этом, соответствующая компетентная комиссия, рассматривающая заявку НПО на получение иностранной помощи, вправе отказать в разрешении получении такой помощи. При этом обжалование решений комиссии не допускается.

Законодательство Казахстана не содержит требования о регистрации внешнего финансирования, однако НПО обязаны отражать эти средства в актах статистической и налоговой отчетности (Закон РК № 142-II).

Наиболее лояльно в этом плане законодательство Кыргызстана. В КР вообще не требуется согласования получения зарубежного финансирования, отсутствует процедура регистрации этих средств в государственных органах, нет особых требований к отчетности. Более того, иностранное финансирование не выделяется как особая единица дохода и приравнивается к внутригосударственному финансированию.

Кроме этого, во всех государствах Центральной Азии содержится законодательный запрет на зарубежное финансирование деятельности организаций, направленной на реализацию политических целей. Однако, нигде не дается определение, какая именно деятельность относится к политически нацеленной.

Процедуры контроля и надзора за деятельностью НПО также различны. Самыми широкими полномочиями в регионе при проведении проверок деятельности неправительственных организаций обладают государственные органы Узбекистана. Так, НПО обязаны заранее согласовывать проведение любых акций и мероприятий с Министерством Юстиции РУ и получить соответствующее разрешение. В РК международные неправительственные организации обязаны ежегодно публиковать отчеты о своей деятельности, учредителях, имуществе, находящемся на балансе организации, а также об источниках финансирования и направлениях расходования денежных средств. Кроме этого, в 2015 году в РК были внесены изменения в действующее законодательство, согласно которым все НПО обязаны зарегистрироваться в единой базе данных о НПО. Процедура регистрации еще в процессе разработки, однако, обещает быть достаточно сложной: НПО обязаны будут предоставить огромное количество информации о своей деятельности, учредите-

лях, источниках финансирования, а при предоставлении неверных, неточных, неполных данных организациям грозят санкции вплоть до приостановления деятельности.

В Кыргызской Республике также предпринимались попытки ужесточить законодательство в сфере регулирования деятельности НПО. Так, рассматривался законопроект, в котором, по аналогии с Россией, предлагалось определять НПО как «иностранных агентов» в случае, если зарубежное финансирование было направлено на политические цели. В другом проекте закона предлагалось расширить понятие «государственная измена» и применять его также к правозащитной деятельности. Однако, до настоящего времени подобного изменения законодательства не последовало, а проекты законов не были поддержаны парламентариями.

С учетом вышесказанного очевидно, что Кыргызская Республика – государство, которое наиболее лояльно относится к сфере НПО. И, если в других Центрально-азиатских государствах власть старается осуществлять контроль над деятельностью НПО, то в Кыргызской Республике неправительственным организациям предоставлены широкие привилегии, начиная от возможности функционировать без государственной регистрации и заканчивая отсутствием контроля за финансированием их деятельности. Можно предположить, что столь лояльное законодательство явилось следствием «дружбы» между администрациями Кыргызстана и Соединенных Штатов, равно как и следствием давления со стороны западных государств в обмен на кредиты и инвестиции в экономику страны. И если в других Центрально-азиатских странах у государственных руководителей хватает политической воли бороться с нежелательными организациями, формировать правовую модель деятельности НПО, исключая воздействие на политические процессы, регулировать деятельность НПО, то у руководства Кыргызской Республики либо отсутствует осознание необходимости принятия мер по контролю за функционированием гражданского сектора, либо высок риск сокращения внешнего финансирования в ответ на подобные изменения в законодательстве. Так или иначе, данная ситуация привела к тому, что в 2005 и 2010 году на территории Кыргызской Республики при активном участии неправительственных организаций произошли два государственных переворота, и, если в первом случае, произошла мирная смена власти, то во второй раз были жертвы как среди представителей правоохранительных органов, так и среди митингующих. Все это позволяет сделать вывод, что деятельность всех иностранных некоммерческих организаций должна отслеживаться государством, регламентироваться законодательством, а также быть максимально прозрачной для граждан государства.

Заключение

НПО – активный сегмент сетевых технологий. Обобщение практики развития политических процессов говорит о том, что отсутствие контроля над этой сферой, так или иначе, приведет к дестабилизации ситуации и установлению в государстве стратегического контроля со стороны государственных структур США. Несмотря на значимый социальный характер деятельности НПО, как показывает практика, именно эти институциональные объединения выступают ресур-

сом при организации цветных революций, государственных переворотов и подобных деструктивных акций. Своевременное осознание необходимости регулирования их деятельности способствует поддержанию государственного суверенитета и государства в целом.

Библиография

1. Гавриш Г. Обеспечение национальной безопасности как сетевое явление // Евразия. Информационно-аналитический портал. 2015. URL: <http://evrazia.org/article/438>
2. Закон Республики Казахстан «О некоммерческих организациях» от 16 января 2001 года № 142-III // Ведомости Парламента РК. 2001 г. № 1.
3. Закон Республики Узбекистан «О негосударственных некоммерческих организациях» 14 апреля 1999 года № 763-I // «Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан». 1999. № 5 (1277).
4. Закон Туркменистана «Об общественных объединениях» от 21 октября 2003 года №197-III.
5. Коровин В. Враг не у порога, он уже в доме // Евразия. Информационно-аналитический портал. 2011. URL: <http://evrazia.org/article/1742>
6. Коровин В. Сетевые войны: в сторону широких масс // Евразия. Информационно-аналитический портал. 2013. URL: <http://evrazia.org/article/2273>
7. Коровин В. Удар по России. Геополитика и предчувствие войны. СПб.: Питер, 2014. 304 с.
8. Лаумулин М. Стратегия и политика США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4(52). С. 51-63.
9. Нурланов Э. Роль неправительственных организаций в Кыргызской Республике: состояние, этапы развития // Время Востока. 2016. URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/rol-nepravitelstvennykh-organizatsii-v-kyrgyzskoi-respublike-sostoyanie-etapy-r>
10. Ясносокирский Ю.А. «Ответственность по защите» и цветные революции // Вопросы российского и международного права. 2014. № 10. С. 21-42.

Activity of non-government organizations as being actors of political processes' network strategies: the case of the Central Asian states

Alina V. Tofan

Postgraduate,

Kyrgyz-Russian Slavic University,

720000, 44, Kievskaya st., Bishkek, Kyrgyz Republic;

e-mail: alina_tofan@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the research of some political and judicial aspects of NGOs' functioning at the territories of the Central Asian states as actors of network technologies. Author researches NGOs as active resource for realization of network strategies. Author concludes that the reason of development of civil sector in the Central Asian states is their dependence of financial donations and investments from the Western countries, which allocate money and extend credits conditioned upon democratization and civil society development. This is the way the Western states realize their network strategies. NGOs that realize programs of democratization and so on turn to be destructive element of the structure of society. With the help of analysis of statutory instruments that determine the functioning of NGOs, the author comes to the conclusion that stability of political systems in the CA states negatively related to legal system's leniency relatively to NGOs. Therefore, the government control over the NGOs' activity guarantees sustainable functioning of political system in many respects. Despite the importance of the social nature of the activities of NGOs, in practice, these associations are the institutional resource for organizing "color revolutions", coups and other destructive actions. Timely awareness of the need to regulate their activity contributes to maintaining state sovereignty and the state as a whole.

For citation

Tofan A.V. (2016) Deyatel'nost' nepravitel'stvennykh organizatsii kak aktorov setevykh strategii politicheskikh protsessov: na primere Tsentral'no-Aziatskikh gosudarstv [Activity of non-government organizations as being actors of political processes' network strategies: the case of the Central Asian states]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (6A), pp. 47-57.

Keywords

Network technologies, non-government organizations, the Central Asia, political processes, political stability.

References

1. Gavrish G. (2015) Obespechenie natsional'noi bezopasnosti kak setevoe yavlenie [Ensuring national security as a network phenomenon]. *Evrasiya. Informatsionno-analiticheskii portal* [Eurasia. Informational and analytical portal]. Available at: <http://evrazia.org/article/438> [Accessed 11/11/2016]
2. Korovin V. (2011) Vrag ne u poroga, on uzhe v dome [The enemy is not at the threshold, he is in the house]. *Evrasiya. Informatsionno-analiticheskii portal* [Eurasia. Informational and analytical portal]. Available at: <http://evrazia.org/article/1742> [Accessed 11/11/2016]

3. Korovin V. (2013) Setevye voiny: v storonu shirokikh mass [Network war: towards the masses]. *Evrasiya. Informatsionno-analiticheskii portal* [Eurasia. Informational and analytical portal]. Available at: <http://evrazia.org/article/2273> [Accessed 11/11/2016]
4. Korovin V. (2014) *Udar po Rossii. Geopolitika i predchuvstvie voiny* [The blow to Russia. Geopolitics and the premonition of war]. St. Petersburg.: Piter Publ.
5. Laumulin M. (2007) Strategiya i politika SShA v Tsentral'noi Azii [Strategy and US policy in Central Asia]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and Caucasus], 4(52), pp. 51-63.
6. Nurlanov E. (2016) Rol' nepravitel'stvennykh organizatsii v Kyrgyzskoi Respublike: sostoyanie, etapy razvitiya [The role of non-governmental organizations in the Kyrgyz Republic: the state, the development stages]. *Vremya Vostoka* [Eastern time]. Available at: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/rol-nepravitelstvennykh-organizatsii-v-kyrgyzskoi-respublike-sostoyanie-etapy-r> [Accessed 11/11/2016]
7. Yasnokirskii Yu.A. (2014) "Otvetsvennost' po zashchite" i tsvetnye revolyutsii ["The responsibility to protect" and the color revolutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and international law], 10, pp. 21-42.
8. *Zakon Respubliki Uzbekistan "O negosudarstvennykh nekommercheskikh organizatsiyakh" 14 aprelya 1999 goda № 763-I* [Law of the Republic of Uzbekistan "On the non-state non-profit organizations", April 14, 1999 № 763-I].
9. *Zakon Respubliki Kazakhstan "O nekommercheskikh organizatsiyakh" ot 16 yanvarya 2001 goda № 142-II* ["On Noncommercial Organizations" Law of the Republic of Kazakhstan dated January 16, 2001 № 142-II].
10. *Zakon Turkmenistana "Ob obshchestvennykh ob"edineniyakh" ot 21 oktyabrya 2003 goda №197-II* [The Law of Turkmenistan "On Public Associations" from October 21, 2003 №197-II].